

Введенский А. И. Западная действительность и русские идеалы: (Письма из-за границы) // Богословский вестник 1892. Т. 2. № 7. С. 77–106 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Западная действительность и русские идеалы.

(ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ).

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Нравственный и социальско-экономический строй Запада. — Деморализация Берлина. — Ея психологическая связь с расплывчатостью религиозных и вообще идеальных начал жизни. — Пролетариат и социаль-демократия. — Специальные условия развития на Западе пролетариата. — Превышение предложения над спросом. — Реклама, как форма „борьбы за существование“ в промышленном и коммерческом мире. — Недостаток работы. — Интеллигентный пролетариат и его причины в Германии, по Бебелю. — Передовая роль германских социалистов в общем западном социалистическом движении. — Публичные дебаты и прения, как рассадник социализма. — Февральские „краваллы“ (беспорядки). — 18-е марта — праздник „дня рождения“ социаль-демократии. — Социаль-демократические ферейны. — О средствах борьбы с социализмом. — Картина будущих социалистических порядков, по Рихтеру. — Забота о прикреплении населения к земле, как „средство предотвратить социальную революцию“. — К характеристикам современного настроения в Берлине: pro и contra. — Париж.

Нигде в жизни современного запада противоречия между показною стороною и действительностью не выступают так резко, как в его нравственно-экономическом и социальном строю. Нам смутит иногда двусмысленное отношение протестантского пастора к христианской истине: по мы знаем, что ведь и вообще протестантизм не ставил на своем знамени верности подлинному христианству. Нам озадачить порою скептическая улыбка, которая среди серьезных и глубокомысленных разъяснений вдруг скользнет по лицу немецкого философа, как-бы договаривая за него: „а все-таки, что-же, в конце концов, есть истина“; но мы знаем, что ведь и догматизм немецкой философии

стѣбить ея скентицизма. Все это отчасти понятно. Но насъ положительно ужасаетъ та громада бѣдствій, которыя со всѣхъ сторонъ надвигаются на современный западъ и грозятъ въ основаніяхъ разрушить весь его настоящій социально-экономическій строй, а вмѣстѣ съ нимъ и всю его „культуру“,—ужасаетъ именно потому, что гордый, увѣренный въ живучести и прочности своихъ „автономныхъ“ и научныхъ началъ, западъ, повидимому, все еще несклоненъ признавать надвигающуюся на него грозу во всемъ ея зловѣщемъ значеніи.

Берлинъ оффиціальныи и Берлинъ дѣйствительный—это двѣ совершенно различныхъ вещи. Въ *оффиціальному* Берлинѣ порока нѣтъ: его казернированіе не дозволено и, поэтому, кто усвоилъ себѣ похвальное обыкновеніе не покидать своей комнаты послѣ того часа, въ который, по предписаніямъ, двери всѣхъ домовъ въ Берлинѣ должны быть заперты, тотъ можетъ благодушно думать, что и повсюду въ Берлинѣ такъ-же опрятно, спокойно и мирно, какъ въ его собственной комнатѣ. Но вотъ вдругъ какой-нибудь досадный процессъ, въ родѣ пресловутаго процесса Гейнце, колеблетъ эту блаженную увѣренность и съ осязательною очевидностію показываетъ, что въ *дѣйствительномъ* Берлинѣ порокъ не только не исчезъ, но, не будучи признанъ оффиціально, тѣмъ глубже и прочиѣе всосался въ жизнь не оффиціально и не только самъ живъ, но породилъ изъ себя другія, болѣе ужасныя, формы порока (напримѣръ Kuppelei u Zuhälterthum—этотъ истинный бичъ современнаго Берлина), которыя разѣдаютъ злосчастное „сердце Европы“. Если самъ императоръ Вильгельмъ, съ обычною отзывчивостію и прямою, пришелъ въ своею знаменитомъ и надѣлавшемъ много шуму Erlass'ѣ министерству, что „процессъ Гейнце ужасающимъ образомъ обнаружилъ (in erschreckender Weise dargelegt), что Zuhälterthum, вмѣстѣ съ необычайно распространившимся, какъ въ другихъ большихъ городахъ, такъ особенно въ Берлинѣ, порокомъ, сталъ серьезною опасностію для государства и общества“: то мы ясно убѣждаемся отсюда, что изнанка Берлинской жизни далеко не такъ благовидна, какъ ея лицевая сторона *).

1) Мы не можемъ, конечно, задерживать вниманіе читателя на этихъ фактахъ: но если-бы онъ заинтересовался указаннымъ вопросомъ, мы от-

И было-бы не трудно иллюстрировать это обобщеніе соответствующими фактами...

Безъ сомнѣнія, главнѣйшею причиною этой деморализаціи служитъ именно та распатанность религіозныхъ и вообще идеальныхъ началъ жизни, о которой мы говорили въ своихъ предыдущихъ письмахъ. Въ душѣ современнаго западнаго человѣка, какъ и въ западномъ городѣ, такъ сказать, нѣтъ центра. Безъ Кремля, безъ святыни, безъ кремлевскихъ соборовъ и дворцовъ, западный городъ съ своими однообразными исполинскими зданіями является повсюду одинаково значительнымъ или пожалуй, смотря по взгляду, повсюду одинаково незначительнымъ, — какъ слабо дифференцированный животный организмъ, у котораго каждая часть одинаково способна къ изолированной жизни: такъ точно и въ душѣ современнаго западнаго человѣка, загасившаго священный огонь идеала, каждая часть, каждое движеніе, каждая страсть является одинаково значительною, одинаково законною, требующею одинаковаго удовлетворенія, — ничего центрального, ничего объединяющаго раздробленныя силы духа, ничего вдохновляющаго на подвигъ борьбы со зломъ! Послѣ утомительно-долгаго дѣловаго дня, послѣ чрезмѣрной отупляющей работы, когда душа уже утратила способность къ чистому и спокойному наслажденію, „культурный“ человѣкъ съ лихорадочною поспѣшностію бросается къ безсмысленнымъ и шумнымъ удовольствіямъ, при чемъ всѣ средства забыться являются одинаково законными, ибо изъ души, переставшей томиться духовною жаждою, уже не раздастся болѣе ни одного протеста. Тамъ, гдѣ нѣтъ способности къ чистому духовному наслажденію, тамъ являются болѣзненные *потребности*, которыя растутъ съ ужасающею быстротою, такъ какъ скопленіе въ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ богатствъ открываетъ широкія двери къ удовлетворенію этихъ потребностей всѣмъ тѣмъ, сердце которыхъ внутри черство. Люди дичають въ

сылаемъ, его къ интересной и поучительной брошюрѣ юриста *Friedmann'a* (Die wahren Lehren des Heinzschen Prozesses für Sitten und Rechtspflege. Berl. 1891), гдѣ на стр. 12, онъ найдетъ и упомянутый нами въ текетѣ Erlass императора Вильгельма II. Интересны также происходившіе по этому поводу дебаты въ нынѣшнюю сессію Рейхстага (см. *Vossische Ztg.* № 104 и слѣд.).

нравственномъ отношеніи, не сохраняя ни внимательности, ни участія ни для чего, что находится внѣ круга ихъ удовольствій. Симпатія, сочувствіе къ страданіямъ ближнихъ исчезаетъ, такъ какъ душа, опьяняемая удовольствіями, не сохраняетъ уже болѣе способности къ пониманію положенія другаго. Съ уничтоженіемъ нравственныхъ узъ угасаетъ стыдъ, который удерживалъ бы отъ слишкомъ роскошныхъ наслажденій, а при этомъ становится уже просто дѣломъ вкуса, ищетъ-ли человѣкъ забвенія въ томъ, что тѣшитъ свои чувственныя страсти, игрушкою которыхъ является униженный пролетаріатъ, или, обративъ государственныя формы и обуздывающіе своеволие законы въ призракъ, съ звѣрскою кровожадностію начинаетъ наслаждаться страданіемъ тѣхъ, кого судьба отдала въ его власть. Не случайное въ самомъ дѣлѣ явленіе, что именно на препрославленной „культурной“ германской почвѣ возрасли тѣ ужасы, разоблаченіемъ которыхъ недавно изумилъ міръ извѣстный военный приказъ принца Георга Саксонскаго! Вѣдь если, какъ заявилъ одинъ депутатъ Рейхстага при обсужденіи этого вопроса (см. протоколы засѣд. отъ 16 февр.), „палачами являются не только нижніе чины, но и офицеры германской арміи, — и при томъ именно тѣ офицеры, которые въ обществѣ играютъ роль и которыхъ особенно любятъ дамы за вѣжливость и утонченное обращеніе“; если, далѣе, и самъ канцлеръ, уклонившись „отъ перемыванія грязнаго бѣлья предъ иностранцами“, не отрицалъ, однако, самаго факта и въ оправданіе этого „огрубнѣнія“ (слѣдовало-бы сказать: *одичанія*) офицеровъ нашелъ возможнымъ сказать лишь то, что оно происходитъ съ людьми *еще до ихъ поступленія въ армію* (!): то какъ иначе, послѣ всего этого, мы должны представить себѣ современное германское „интеллигентное общество“ какъ не въ тѣхъ именно чертахъ, которыми мы только-что его характеризовали? Не ясно-ли, что у культурнаго человѣка, не смотря на весь его лоскъ и блескъ, все-таки „душа убываетъ“?..

Само собою понятно, что когда центръ жизни переставленъ, когда всеобщимъ лозунгомъ сдѣлалось прославленное Гораціево *carpe diem*, а на мѣсто забытыхъ или отвергнутыхъ положительныхъ началъ жизни не поставлено ничего новаго, тогда образуется благоприятная почва для произро-

станія всякихъ ненормальныхъ явленій до пролетаріата и соціалъ-демократіи,—этихъ самыхъ зловѣщихъ тучъ на горизонтѣ современнаго запада,—включительно. Было-бы съ нашей стороны неразсчетливою смѣлостью братья за выясненіе *спеціальныхъ* источниковъ для соціальнаго зла, по вопросу о которомъ, какъ извѣстно, существуетъ такая громадная литература, что изученіе ея могло-бы наполнить многіе годы. Но указать главныя ея причины,—что, конечно, для достиженія полноты въ нашей характеристикѣ западной дѣйствительности, необходимо,—можно и не выходя изъ предѣловъ самой элементарной общности.

„Превышеніе предложенія надъ спросомъ“—вотъ къ какой краткой формулѣ, какъ извѣстно, сводятся все разсужденія современныхъ политико-экономистовъ о *спеціальныхъ* причинахъ развитія на западѣ пролетаріата и соціалъ-демократіи. Мы увидимъ далѣе, что этою формулою не исчерпывается вся сущность дѣла; но есть въ ней и элементъ несомнѣнно истинный. Дѣйствительно, кто видѣлъ собственными глазами, какое множество рукъ тянется здѣсь за работою и какой значительный процентъ все-таки ея не получаетъ, тотъ пойметъ весь многосодержательный реальный смыслъ этой краткой формулы. Преобладаніе предложенія надъ спросомъ, варьируясь въ различныхъ формахъ, дѣйствительно выступаетъ здѣсь повсюду, начиная съ уличныхъ рекламъ и кончая солидною конкуренціею на занятіе профессорской ординатуры.

Наше время есть время рекламы,—этой своеобразной формы „борьбы за существованіе“ въ промышленномъ и коммерческомъ мірѣ. Говорятъ, что реклама всего больше развита въ Америкѣ: „если ты хочешь помѣстить долларъ въ какое-нибудь предпріятіе“,—говоритъ практичный американецъ,—„то заготовь сначала другой, чтобы сдѣлать извѣстнымъ свое предпріятіе“! Но кажется и другимъ городамъ западной Европы и въ частности Берлину уже немного остается догонять американцевъ. Въ Берлинѣ реклама является въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: въ формѣ газетныхъ объявленій (въ большихъ газетахъ, какъ напр. въ *Фоссовой*, заполняющихъ иногда 6—7 листовъ и превышающихъ въ 2—3 раза самый текстъ), въ формѣ расклеиваемыхъ повсюду „плакатовъ“, билетиковъ, которые на

большихъ улицахъ чуть не насильно всовываются въ руки проходящимъ, въ формѣ яркихъ вывѣсокъ, которыя берутся на особыхъ экипажахъ, иногда съ позвонками, и посятся повсюду какими-нибудь странными субъектами (Sandwich-täppler), иногда, и даже по преимуществу, не европейской расы и т. д. А посмотрите, какъ фабрикуются эти объявленія! Въ большинствѣ случаевъ хотятъ обратить вниманіе не только яркостію и размѣромъ „плаката“, но также и его оригинальностью и остроуміемъ,—дешевымъ, конечно. Напр., на самомъ верху громаднаго ярко раскрашеннаго листа исполинскими литерами напечатано: „а знаете-ли Вы, кто такое N. N.? Это—совершенно обыкновенный смертный; но при устройствѣ концертовъ онъ незамѣнимъ“ и т. д.—начинается длинная повѣсть о томъ, гдѣ, когда и за какую плату можно имѣть удовольствіе слушать концерты этого „незамѣнимаго обыкновеннаго смертнаго“. Или еще примѣръ: ѣдетъ ярко раскрашенная повозка—довольно странная и на ней объявленіе: „эта карета везетъ каждому желающаго бесплатно въ ресторанъ (Local) x“. Иногда безцѣльно скользящій по колоннѣ объявленій (такія колонны чуть не на каждомъ углу) глазъ вдругъ встрѣчаетъ, напр., такое странное воззваніе: „о Констанція, возвратись къ своему раскаявшемуся супругу!“ Невольно подходишь ближе и начинаешь читать дальше. Что такое? Вопль покинутаго? Семейная драма? Ничуть не бывало! Это—заглавіе новаго романа, появляющагося въ какомъ-нибудь забытомъ „листкѣ“ и тутъ-же, дальше совѣтъ: „кто недоволенъ своею газетою, пусть аборируется на этотъ листокъ, въ которомъ печатается такой интересный романъ“. Или, напр., вамъ всовываютъ вдругъ на дорогѣ билетикъ; вы опускаете на него глаза и съ изумленіемъ читаете лаконическое заявленіе: „стыдитесь, однако!“ Какъ? что такое? Разгадка на другой сторонѣ билетика: „стыдитесь за свои дурно вычищенные сапоги; купите за 20 пфенниговъ ваксы тамъ-то“ и т. д. Другой билетикъ начинается такими словами: „подержите это у лампы или у печки“. Заинтересовавшись оригинальной шуткой, вы приносите билетикъ домой и тамъ, при помощи лампы, прочитываете напечатанное на немъ извѣстными „невидимыми“ кобальтовыми чернилами объявленіе о какомъ-нибудь новомъ мясномъ эк-

страктѣ. Словомъ, подобному остроумію конца нѣтъ и, если брать всѣ объявленія, которыя раздаются на улицахъ Берлина, то можно каждый день набивать всѣ свои карманы и иногда не безъ успѣха замѣнять ими дѣланное остроуміе какого-нибудь низкопробнаго нѣмецкаго quasi-сатирическаго журнала...

Конечно, все это относится прежде всего къ области берлинскихъ курьезовъ. Но есть въ этихъ курьезахъ и серьезная сторона. И въ самомъ дѣлѣ, если даже мы будемъ смотрѣть на рекламы глазами американца, т. е. будемъ видѣть въ нихъ совершенно невинное средство обратить вниманіе на какое-нибудь солидное и „реальное“ предприятие; то и въ такомъ случаѣ они будутъ свидѣтельствовать о пѣкоторой ненормальности въ экономическомъ строѣ западнаго города, — о превышеніи предложенія надъ спросомъ или, выражаясь языкомъ современной вульгаризованной политико-экономической науки, о „перепроизводствѣ“ (Ueberproduktion) продуктовъ промышленности, которые далеко превосходятъ „покупную силу“ (Kaufkraft) народа и поэтому не могутъ быть своевременно „перевариваемы желудкомъ рынка“ (Marktmagen). А если мы допустимъ (чего, конечно, и нельзя недопустить), что въ большинствѣ случаевъ, если только не во всѣхъ, на рекламы нужно смотрѣть не американскими, а самыми обыкновенными глазами, т. е. видѣть въ ней *рекламу* въ техническомъ смыслѣ этого слова и ничего болѣе, тогда перспектива будетъ еще печальнѣе. Именно, то впечатлѣніе дешевизны, при солидности и изяществѣ, — впечатлѣніе, которое, какъ мы говорили въ своемъ первомъ письмѣ, невольно появляется у посетителя Берлина, впервые проходящаго мимо увѣшенныхъ всевозможными объявленіями исполинскихъ оконъ его магазиновъ, — при ознакомленіи съ системою берлинскихъ рекламъ, должно значительно ослабѣть. И дѣйствительно, поживешь въ Берлинѣ и узнаешь, что дешево въ немъ только то, что никому и ни для чего не нужно; а все дѣйствительно цѣнное цѣнно и въ Берлинѣ; предметы-же настоящей потребности не только цѣнны, но и баснословно дороги (1 ф. мяса, напр., стоитъ отъ марки до 2 мрк., т. е. отъ 45—50 к. до 1 рубля). И сами берлинцы никогда уже не соблазняются рекламною дешевизною, равно

какъ и фиктивною „распродажею“, подставными „аукціонами“ и пр.

Итакъ, рабочія руки въ Германіи производятъ гораздо больше, чѣмъ въ силахъ поглотить германскій рынокъ. Но и при такомъ „перепроизводствѣ“ далеко не все рабочія руки заняты. Статистика послѣднихъ лѣтъ показываетъ, что, вслѣдствіе различныхъ осложненій „аграрнаго вопроса“ въ Германіи, деревенское населеніе съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе стягивается въ центры промышленности и торговли, города непропорціоально выростаютъ на счетъ деревень ¹⁾, такъ что различные „предприниматели“, не смотря на всю свою изобрѣтательность, не могутъ доставить работу всемъ. Вслѣдствіе этого къ работѣ начинаетъ стремиться столько рукъ, что заработная плата падаетъ; а это обстоятельство, въ связи съ прогрессивнымъ паростаніемъ населенія, порождаетъ нищету и единственное спасеніе отъ самой крайней нищеты есть принятіе работы *за какую угодно плату*. И принимаютъ! Загляните на окраины Берлина, гдѣ скучены всевозможныя фабрики и заводы, и вы увидите, какая масса оставшихся безъ работы постоянно дежуритъ у всехъ фабричныхъ воротъ, „дожидаясь очереди“. Или зайдите когда-нибудь на Zimmerstrasse около 4—5 ч., когда выходитъ Lokalanzeiger и посмотрите, съ какою жадностію расхватываются листы Anzeiger'a, содержащіе объявленіе о „мѣстахъ“, безчисленную толпою пролетаріевъ обоого пола! А всевозможныя „конторы“ и „справочныя бюро“, — такъ-же всегда переполнены массою

1) Напр., съ 1-го декабря 1880 г. по 1-е декабря 1885 г. населеніе Германіи возрасло на 1,6 милліон.; но деревенское населеніе за это время *уменьшилось* на 113,000 человѣкъ, тогда какъ городское напротивъ на 1,700,000 *увеличилось*. Всего яснѣе это ненормальное соотношеніе городского и деревенскаго населенія можно прослѣдить, наприм., на маленькой саксонской провинціи въ 1834 г. ея населеніе состояло изъ 1,590,000, изъ которыхъ 1,070,000 приходилось на деревни и только 520,000—на города; между тѣмъ какъ въ 1885 г. изъ общаго числа жителей 3,180,000 на города приходилось уже 1,340,000 противъ 1,840,000 сельскаго населенія слѣдов. 20% сельскаго населенія въ Саксоніи передвинулось въ города, которые, т о. въ теченіе 50 лѣтъ возрали почти на 240%, тогда какъ деревни только на 77%! См. брошюру: Papst Leo XIII, Feldmarschal Moltke und ihre Bekämpfung der Socialdemocratie, Berl. 1892, s. 21.— Много числовыхъ данныхъ этого рода у Бебеля (ниже).

нуждающихся, готовыхъ взять *всякое* дѣло дѣйствительно *за какую угодно плату* и по большей части за такую, которой едва хватаетъ на прожитіе въ какомъ-нибудь безвоздушномъ и безсвѣтномъ подземельи или въ „монсардѣ“ шестаго-седьмаго этажа.

Таже самая „борьба за существованіе“, за кусокъ хлѣба повторяется и въ другихъ сферахъ западной жизни: здѣсь замѣчается не только „перепроизводство товаровъ“, но—выражаясь опять-таки терминами современныхъ социологовъ, и „перепроизводство интеллигенціи“ (Ueberproduktion an Intelligenz). „Германія,—говоритъ авторъ популярнѣйшаго социальнаго и политико-экономическаго трактата: *die Frau und der Socialismus* (10-е изд. Stuttgart, 1891), Бебель,—Германія есть классическая страна перепроизводства интеллигенціи и образованія. Одно обстоятельство, служившее въ теченіе столѣтій истиннымъ несчастьемъ для нѣмецкаго развитія, существенно содѣйствовало этому,—именно, раздробленность нѣмецкаго государства (Kleinstaaterei—мелкогосударствіе). Велѣдствіе этой раздробленности духовная жизнь народа была децентрализована: повсюду образовывались маленькіе духовные центры, которые распространили свое вліяніе и около себя. Многочисленные дворы съ своими правительствами нуждались въ несравненно большемъ числѣ получившихъ высшее образованіе чиновниковъ, чѣмъ правительство централизованное. Такимъ образомъ высшія школы и университеты возникали въ Германіи въ такомъ множествѣ, какъ ни въ какой другой странѣ Европы. Соревнованіе и честолюбіе различныхъ правительствъ играло при этомъ такъ-же не малую роль. вмѣстѣ съ наукою развивались и искусства. Никакая другая страна Европы не имѣетъ такого громаднаго числа живописныхъ, художественныхъ и техническихъ школъ, равно какъ музеевъ, картинныхъ галлерей и пр., какъ Германія“. Этому содѣйствовала такъ-же и господствовавшая въ это время система всевозможныхъ запретовъ (Absperrungssystem—пошлины, таможи, заставы): между тѣмъ какъ другіе народы суетились, ѣздили изъ конца въ конецъ свѣта, воевали,—нѣмцы тихо сидѣли у себя дома, каждый у своего дѣла, работали, чтобы жить безбѣдно, а на досугѣ думали, учились, философствовали. Когда, съ объединеніемъ Германіи, система

запретовъ пала; когда вслѣдствіе этого стали быстро нарождаться крупные капиталисты, стягивавшіе къ себѣ всѣ пити промышленности; тогда, во-первыхъ, раззорилось множество мелкихъ ремесленниковъ, жившихъ и кормившихся прежде своимъ маленькимъ трудомъ, а теперь оставшихся, вслѣдствіе невозможности конкурировать съ капиталами, безъ дѣла, и, во-вторыхъ, осталось безъ мѣста и соответствующаго дѣла множество представителей интеллигенціи—образовался *интеллигентный пролетаріатъ*, который возрастаетъ изъ году въ годъ. Оставшіеся безъ работы ремесленники и потерявшіе мѣста чиновники, съ воспитанною при томъ уже заранѣе склонностію къ умственному труду,—все это бросилось теперь учиться, чтобы этимъ путемъ удержаться на поверхности и не пойти ко дну въ потокѣ жизни среди всеобщей, охватившей всѣ слои, борьбы за существованіе. И вотъ реальныя школы, гимназіи, политехники и пр. растутъ теперь, какъ грибы, а существующіе всѣ уже давно переполнены. Въ подобномъ-же размѣрѣ возрастаетъ число университетскихъ студентовъ ¹⁾, слушателей физическихъ и химическихъ лабораторій, всевозможныхъ художественныхъ, промышленныхъ, торговыхъ школъ, высшихъ женскихъ институтовъ и т. д. Власть въ отчаяніи и издаетъ распоряженіе за распоряженіемъ съ предостереженіемъ отъ избранія то того, то другаго фаха. Даже теологія, которая въ предшествующее десятилѣтіе грозила увянуть по недостатку кандидатовъ, даже и она получаетъ теперь свою долю среди всеобщаго переполненія“ ²⁾. „Я буду учить всему, чему угодно, только дайте мнѣ мѣсто“ (Ich lehre den Glauben an zehntausend Götter und Teufel, wenn's verlangt wird, schafft mir nur eine Stelle, von der ich leben kann): вотъ что раздастся теперь со всѣхъ сторонъ! Министры уклоняются отъ разрѣшенія

1) Въ 184 $\frac{1}{2}$ учебномъ году во всѣхъ германскихъ университетахъ было 11,626 студ., а въ 188 $\frac{8}{9}$ —29,294.

2) Интересно, что до 1881 г. число теологовъ въ университетахъ постоянно убывало и уало съ 2117 (за 184 $\frac{1}{2}$ г.) до 1780 (за 1876 г.—и почти до 1881); но потомъ начало быстро возрастать и теперь достигло значительной цифры 4,642 (за 188 $\frac{8}{9}$). Кромѣ переполненія другихъ факультетовъ Бебель указываетъ какъ на причину этого явленія, на *пробужденіе религіозности въ виду борьбы съ социализмомъ* (!).

основывать новыя высшія учебныя заведенія, такъ какъ-де и существующія съ избыткомъ покрываютъ потребность въ кандидатахъ всѣхъ спеціальностей“.

На этой почвѣ рабочаго и интеллигентнаго пролетаріата и вырастаетъ социализмъ и имъ-то именно, этимъ разнохарактернымъ пролетаріатомъ, и пополняются прежде всего его ряды“. Велѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ,—подчеркиваетъ далѣе тотъ-же авторъ,—*въ Германіи больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ міра, интеллигентнаго пролетаріата* (ученые, художники, представители такъ называемыхъ либеральныхъ профессій—юристы, врачи, писатели, архитектора и пр.), *который постоянно увеличивается и вноситъ броженіе и неудовлетворенность наличнымъ строемъ вещей повсюду—до самыхъ высшихъ круговъ общества включительно*. Такимъ образомъ въ великой, исполинской борьбѣ будущаго (?) Германія беретъ на себя передовую роль, къ которой кажется она предназначена всѣмъ своимъ развитіемъ и даже самымъ своимъ географическимъ положеніемъ, какъ сердце Европы. И вовсе не случайность, что именно нѣмцы открыли законы движенія современнаго общества и научно обосновали социализмъ (?), какъ общественную форму будущаго (Карль *Марксъ*, Фридрихъ *Энгельсъ*, Фердинандъ *Лассаль* и др.). Вовсе не случайность такъ-же, что нѣмецкое социалистическое движеніе есть важнѣйшее и значительнѣйшее въ мірѣ (!), что, далѣе, нѣмецкіе социалисты суть піонеры, которые распространяютъ социалистическія мысли между рабочими различныхъ народовъ (очень благовременное напоминаніе!!)“. Этому нынѣ усердно служить и сама нѣмецкая наука, которая, послѣ того, какъ она замѣнила дедукцію индукціей и стала больше заниматься „практическими вопросами“, начала быстро „демократизироваться“. Масса, средній уровень образованія которой въ Германіи вообще довольно значителенъ, очень воспримчивъ ко всякимъ будирующимъ ученіямъ, а въ агитаторахъ въ Германіи никогда недостатка не было. Такимъ образомъ социалистическое движеніе путемъ своей литературы, журналистики, фереяновъ, собраний, путемъ *представительства въ парламентъ* и возбуждаемой всѣми этими способами критики общественной жизни съ ея по-

рядками“ прокладываетъ себѣ вѣрную дорогу въ массу: „ремесленники и ученые, хлѣбопашцы и художники, купцы и чиновники, иногда и фабрикантъ,—словомъ представители всѣхъ сословій присоединяются къ рабочимъ и образуютъ ядро социалистической арміи“ (Op. cit. Ss. 374—381, passim.).

Только что набросанная картина распространения въ Германіи социализма по истинѣ ужасна! Какъ медленный ядъ, онъ постепенно и систематически пропитываетъ всѣ ткани народнаго организма, повсюду находя для себя воспріимчивую почву и благопріятныя условія. Расплатанность религіозныхъ началъ, оскудѣніе идеализма, экономическія затрудненія, подготовленность массы для воспріятія всякихъ теоретическихъ утопій,—все это теперь соединилось вмѣстѣ для того, чтобы дать торжество давно уже, впрочемъ, народившемуся злу. Особенно много содѣйствуетъ распространенію этого зла страсть нѣмцевъ обо всемъ разсуждать публично,—въ общественныхъ собраніяхъ всякаго рода, начиная съ рейхстага и кончая сходками какихъ нибудь забастовавшихъ рабочихъ, и затѣмъ повторять на всѣ лады эти дебаты путемъ печати. Недаромъ социалисты всегда подчеркиваютъ эти дебаты и дорожатъ ими какъ „самымъ могущественнымъ средством“, благодаря которому социалистическое движеніе „дѣлаетъ успѣхи“. Нѣмцы несомнѣнно народъ много думающій; но кажется и они часто не думаютъ о томъ, что говорятъ: иначе на страницахъ нѣмецкихъ газетъ, со словъ „ораторовъ“ различныхъ „ферейновъ“, не перетряхивалось-бы ежедневно столько и всевозможнаго будирующаго и сбивающаго съ толку вздору. Мы никогда не могли понять смысла этихъ всевозможныхъ нѣмецкихъ дебатовъ и преній! Въ самомъ дѣлѣ, обсуждаютъ, напр., какой-нибудь законопроектъ въ палатѣ депутатовъ, — обсуждаютъ долго, страстно, „всесторонне,“ — и послѣ того какъ всенародно, на глазахъ у цѣлаго свѣта, выражаясь словами канцлера графа Каприви, „перемыто грязное государственное бѣлье,“ законопроектъ всетаки въ концѣ концовъ сдается въ комиссію и рѣшается съ очень малымъ вниманіемъ къ дебатамъ! Въ социаль демократическомъ ферейнѣ „красный“ ораторъ развиваетъ *публично* какую-нибудь quasi-научную социалистическую утопію,—говоритъ безъ стѣсненія, „сво-

бно,“ и приводить слушателей въ восторгъ; но вотъ неизбѣжно присутствующій на всѣхъ такихъ фрейнахъ полицейскій каммисаръ заноситъ то или другое „выраженіе“ (странная тактика: преслѣдуются только *выраженія*, хотя-бы по своему духу вся рѣчь была красная!) въ свой протоколъ и ораторъ прямо съ трибуны переводится въ заключеніе, часто одиночное, и можетъ быть нигдѣ во всемъ мірѣ не разбирается такъ много процессовъ изъ-за *Majestätsbeleidigung* (оскорбленіе Величества), какъ именно въ Германіи. Разсуждаютъ рабочіе о сокращеніи рабочаго дня, — разсуждаютъ чуть не каждый день, — и все таки работаютъ, какъ и прежде, двѣнадцать часовъ и т. д. безъ конца. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти дебаты, какъ не сознательный компромиссъ, — желаніе пройти невозможною серединою между теоретически-доктринерскимъ признаніемъ „въ принципѣ“ за каждымъ права выражать свое мнѣніе и практическою невозможностію допустить послѣдовательное проведеніе этого „опаснаго права“ (хорошо право!) въ дѣйствительности? Это въ сущности тоже противорѣчіе, которое мы видѣли и въ другихъ странахъ жизни протестантскаго запада: разница только въ формѣ. Но оказываясь такимъ образомъ непослѣдовательнымъ и не имѣя на дѣйствительность почти никакого *положительно-преобразующаго* вліянія, это публичное дебатированіе имѣетъ громадное *отрицательное* вліяніе. Именно оно возбуждаетъ страсти во всѣхъ недовольныхъ элементахъ, подогрѣваетъ всѣ горячія головы, пополняетъ толны жажущихъ ореола славы „мученика идеи,“ поселяетъ увѣренность въ собственной силѣ въ душѣ различныхъ новаторовъ и всѣми этими средствами, — повторимъ еще разъ, — подготавливаетъ торжество социализму, который съ каждымъ днемъ становится все смѣлѣе и смѣлѣе и иногда дерзко поднимаетъ свою угрожающую голову. Февральскіе берлинскіе краваллы (*Cravallen*—безпорядки) доказываютъ это самымъ очевиднымъ образомъ и лучше всякихъ разсужденій иллюстрируютъ развиваемую нами мысль.

Февральскіе краваллы! Объ нихъ очень много говорено и писано и почти все здѣсь писанное воспроизведено въ свое время русскими газетами. Журнальному обозрѣвателю, который отстаеетъ отъ событій на цѣлые мѣсяцы, очень

трудно предложить что-нибудь свѣжее и новое. Что въ послѣднихъ числахъ Февраля улицы Берлина были заружены толпами всякаго сброда; что эти толпы были очень смѣлы и увѣрены въ себѣ; что тамъ и здѣсь они переходили въ разрушительное нападеніе, имѣвшее хищнической характеръ и обходившееся иногда очень дорого какъ самимъ хищникамъ, такъ и боровшимся съ нимъ полицейскимъ стражамъ; что въ этихъ краваллахъ принимали участіе такъ-же и „демократизированныя“ женщины: все это, конечно, уже давно извѣстно и мы рисковали-бы очень наскучить, если-бы еще разъ стали повторять все это. Но за то, разсматривая событіе въ перспективѣ, мы можемъ освѣтить его съ той именно стороны, которая была просмотрѣна хроникѣрами, увлеченными подробностями тревожныхъ дней. Къ сожалѣнію, эта просмотрѣнная сторона представляетъ очень мало утѣшительнаго. Именно, выражая нашу мысль кратко, мы можемъ формулировать её такъ: *несомнѣнно, февральскіе беспорядки не окончились-бы такъ сравнительно легко и скоро, еслибы изъ-за нихъ уже не виднѣлся грозный призракъ другихъ, болѣе серьезныхъ и опасныхъ волненій, которыхъ необходимо ожидать въ будущемъ и можетъ быть не весьма отдаленномъ.* Повторяемъ: это несомнѣнно. Дѣло въ томъ, что настоящіе, убѣжденные, „идейные“ социаль-демократы (а число ихъ въ Берлинѣ легіонъ) не принимали въ этихъ беспорядкахъ никакого участія и даже не одобряли ихъ. Все это время они спокойно оставались дома и въ опасливомъ консервативномъ раздумьи покачивали головой на по-виги *dummer Kerle*. Они считали эти „подвиги“ ниже своей подготовки, ниже своихъ силъ, а съ другой стороны опасались, какъ-бы они снова не вызвали тѣ репрессивныя мѣры, которыя отмѣнены со времени удаленія ненавистнаго социаль-демократамъ князя Бисмарка, и какъ-бы такимъ образомъ не отдалить „торжество социализма“. Мы видимъ, однако, что это не принципиальный протестъ противъ насильственныхъ мѣръ, а лишь временное неодобреніе ихъ при данныхъ условіяхъ, — ради сбереженія социаль-демократическихъ силъ „для другаго раза“. Именно въ этомъ и заключается весь грозный смыслъ факта воздержности убѣжденныхъ социаль-демократовъ отъ февральскихъ улич-

ныхъ безпорядковъ, которая на первый взглядъ легко можетъ показаться проявленіемъ съ ихъ стороны похвальнаго благоразумія. Нѣтъ, это—двусмысленная и зловѣщая воздержность: социаль-демократы просто выигрываютъ время для лучшей организаціи своихъ рядовъ, окончательной выработки своихъ плановъ, дисциплинированія своихъ, какъ оказывается, всеже отчасти *dummer* Kerle, возможно широкой популяризаціи своихъ идей и „воспитанія“ массы...

А это воспитаніе“ ведется усердно и систематически,— по всѣмъ правиламъ Контовскаго социаль-политическаго катихизиса, начиная съ социалистическихъ праздниковъ. Эти праздники такая любопытная подробность въ жизни социаль-демократовъ, что мы не можемъ пройти ихъ молчаніемъ. Одинъ изъ этихъ праздниковъ—„день рожденія социаль-демократіи“ (18 е Марта: другой главный праздникъ, *Namenstag*, именины, справляется 1-го Мая), совершался на нашихъ глазахъ. Съ ранняго утра, хотя день былъ будничнй, несмѣтныя толпы рабочихъ отовсюду направлялись на окраину Берлина—въ *Friedrichshain*, гдѣ находится кладбище „мартовскихъ жертвъ“ (*Märzopfer*) т. е. участниковъ уличныхъ безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто 18-го и 19-го марта 1848 г., на улицахъ Берлина. Къ 12 ч. дня площадь была буквально запружена народомъ, который терпѣливо дожидался своей очереди пройти по довольно узкимъ аллеямъ *Hain'a* къ могиламъ „мучениковъ“. Лица у всѣхъ серьезныя, строгія; порядокъ изумительный; педержанные крики повсюду неизбѣжныхъ пьяныхъ дебошировъ тотчасъ-же обуздывались самою толпою; на шляпахъ и въ петлицахъ почти у всѣхъ были приколоты красные бантики, которые тутъ-же и продавались—рядомъ съ нумерами отпечатанной въ этотъ день на красныхъ-же листахъ социалистической газеты (*Berliner Volks-Tribüne, Sozial-Politisches Wochenblatt*), въ которой подробно были описаны событія 18—19 февр. 1848 г. въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Парижѣ; въ довершеніе всего, толпу ярко расцвѣчали своими красными шляпками, платками и накидками не отстававшія отъ мужей и родственниковъ дамы-социалстки, которыхъ было такъ-же весьма много. Самое мѣсто *Friedhofa*, обнесенное желѣзною рѣшеткою и обыкновенно запираемое въ предупрежденіе сходовъ, на этотъ разъ было отперто и даже

украшено красными флагами. Счастливики, добравшіеся до „милыхъ могилъ“ быстро кланялись (оставаться по долгу было запрещено), скользили глазами по знакомымъ уже надписямъ на могильныхъ памятникахъ и еще разъ и еще тверже напечатлѣвали въ своей памяти эти характерныя лаконическія изрѣченія, на которыя социаль - демократы смотрятъ, конечно, какъ на девизъ своей жизни ¹⁾). Тѣже самыя изрѣченія, то-же напоминаніе „жертвовать своею жизнью за свободу народа“ они уносили и въ листкахъ *Volks-Tribüne*, въ которой, сверхъ того, между строкъ они могли вычитать и многое другое. Конечно, воспроизводя исторію мартовскихъ безпорядковъ 1848 г., демократическая газета всеже не могла открыто приглашать къ ея повторенію. Но въ ея подчеркиваніи различныхъ трогательныхъ исторій; въ ея детальныхъ повѣствованіяхъ о томъ, какъ войска открывали огонь по „беззащитной толпѣ“, какъ тамъ и здѣсь падали „невинныя жертвы“; въ ея неоднократныхъ напоминаніяхъ, что женщины-соціалистки, воспитавшія въ себѣ чуть не религіозное благоговѣніе къ „величавой Маріаннѣ“ (*grossartige Marianne*—условный терминъ, означающій въ устахъ социалиста республику), никогда не отставали отъ своихъ мужей, отцовъ и братьевъ и что, именно благодаря этому, солдаты такъ часто слагали предъ республиканцами свое оружіе; въ ея тонкихъ стратегическихъ разъясненіяхъ (къ слову, конечно!), что всякое

1) Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1) Die Freiheit war's, wofür er sollte enden,—
Die Freiheit, die dereinstens wir vollenden (онъ умеръ за свободу,—за свободу, которой когда нибудь мы добьемся).

2) Sein letzter Will'war auch sein letztes Handeln;
Er ruft uns zu, den gleichen Weg zu wandeln (его послѣдняя воля была и его послѣднимъ дѣломъ; онъ призываетъ насъ идти тѣмъ-же путемъ).

3) Der heil'gen Freiheit galt sein schnell Erblassen;
Er hat sie uns als Erbtheil hinterlassen (изъ за святой свободы такъ померкъ свѣтъ его жизни и еѣ-то (свободу) оставилъ онъ намъ, какъ свое завѣщаніе).

4) Im Kampfe für des Volkes Freiheit sterben,
So heisst das Testament, nach dem wie erben (умереть за свободу народа, — вотъ завѣтъ, который остался намъ въ наслѣдство).

народное движеніе, чтобы имѣть успѣхъ, должно совершаться быстро, натискомъ, отъ одного удара къ другому, отъ одной побѣды къ другой, ни на минуту не остаиваясь, такъ какъ „масса повсюду индифферентна и ея энтузіазмъ всегда зависитъ отъ успѣха и быстро охлаждается при малѣйшихъ неудачахъ:“ во всемъ этомъ и многомъ другомъ, что сказано между строкъ, социалисты съумѣютъ, конечно, вычитать цѣлую и при томъ „на историческомъ опытѣ основанную“ *программу* будущихъ дѣйствій. Когда, прочитавъ листки *Volks-Tribüne*, мы сообразили все это; когда припомнимъ, что вѣдь такіе-же листки раздаются и такіе-же уроки преподаются ежегодно: то эта молчаливая, сдержанная, спокойная, но затаившая глубокую думу и начинающая уже чувствовать свою силу, многотысячная толпа показалась намъ несравненно грознѣе того безтолковаго, недисциплинированнаго сброда, который взволновавъ и напугавъ Берлинъ въ февралѣ, тотъ-часъ-же и исчезъ, какъ мыльный пузырь!

Но „вышею“ школою для социаль-демократовъ служатъ ихъ „ферейны“, на которыхъ систематически подкапываются всѣ основы современнаго строя—религіозныя, нравственныя и общественно-соціальныя. Эти ферейны устраиваются въ самыхъ разнообразныхъ помѣщеніяхъ,—начиная съ какого-нибудь третъестепеннаго театрика (въ родѣ *Feenpalast*) и кончая простымъ *Kneip'омъ*,—весьма многочисленны и разнообразны. Иногда они состоятъ изъ одного только *Vortrag'a* (лекція, чтеніе); иногда къ нему присоединяются дебаты, пѣніе социалистическихъ пѣсень изъ особо составленной для этой цѣли и изданной въ Лондонѣ социалистической книжки (*Liederbuch für das arbeitende Volk*, Lond. 1891. Preis 40 pf. ¹⁾), а иногда, сверхъ всего этого, и—танцы. Конечно, всѣ эти ферейны усердно снабжаются пивомъ. Намъ очень занимали газетныя сообщенія и рассказы объ этихъ ферейнахъ и, когда представился случай ознакомиться съ ними непосредственно, мы не могли, конечно, имъ не воспользоваться. И вотъ что мы увидели. Громадный общій залъ одного укромнаго, расположеннаго въ *Gartenhaus'ѣ* (надворный домъ), ресторана тѣсно заставленъ стульями и маленькими столиками; въ концѣ его устроена

¹⁾ Простое черелестываніе этой книжки способно смутить и озадачить чловѣка: до того она груба, кощунственна, задорна!

эстрада для „оратора“, а рядомъ съ нею — столъ для полицейскаго комиссара. Былъ назначенъ Vortrag „о концѣ міра“. Ко времени начала Vortrag'a залъ быстро наполнился самого разнообразною публикою, въ которой богатые и даже изящныя дамскіе костюмы перемѣшивались съ блузами. Вотъ появился полицейскій комиссаръ, въ сопровожденіи Schutzmann'a, и разложилъ свою записную книгу на столѣ; а за нимъ и — „ораторъ“. Это былъ нечесанный, неумытый, въ пиджакѣ на распахку „мужъ науки“ (изъ народныхъ учителей, кажется, можетъ быть изъ отставныхъ даже — вѣрно не знаемъ), съ развязными и какъ-бы угрожающими манерами и важною миною. Онъ занялъ свое мѣсто на эстрадѣ рядомъ съ „предсѣдателемъ“ (все по формѣ!), раздался колокольчикъ, и Vortrag начался. Нечего, конечно, говорить, какого характера былъ этотъ Vortrag. Міръ погибнетъ такъ-же необходимо и естественно, какъ необходимо и естественно онъ возникъ. И именно погибнетъ отъ одной изъ двухъ причинъ — геологической или астрономической. Переполюющіе нѣдра земли газы могутъ въ одно несчастное время взорвать её, какъ, по изысканіямъ ученыхъ, взорваны уже многія другія планеты; а можетъ случиться и то, что постепенно остывающее солнце, которое, какъ извѣстно, постоянно всасываетъ въ себя планетныя массы („пятна на солнцѣ“), закрывающія его лучеиспускающую поверхность, перестанетъ въ достаточной мѣрѣ согрѣвать землю и она будетъ представлять сначала такую-же картину, какую мы видимъ теперь въ полярныхъ странахъ, а потомъ, уклонившись, вслѣдствіе смерзанія и измѣненія нормальнаго пропорціональнаго отношенія между объемомъ и вѣсомъ, съ своей орбиты, такъ-же будетъ поглощена солнцемъ и превратится въ одно изъ его „пятенъ“. Конечно, міръ погибнетъ медленно, какъ медленно онъ возникъ. Коснувшись этого послѣдняго вопроса, авторъ Vortrag'a безъ церемоніи громоздилъ милліоны лѣтъ на милліоны и въ концѣ концовъ заявилъ, что это, „впрочемъ“, не важно, а главное въ томъ, что ясенъ путь, *какъ* міръ возникъ и какъ онъ погибнетъ. Автору хорошо знакомы „вѣчные и неизмѣнные элементы“ міра (атомы); съ силами природы онъ за панибрата. И вотъ на глазахъ у слушателей ораторомъ легко созидаются и разрушаются безчисленные міры (ибо „за раз-

рушеніемъ нашего міра родится другой“) и слушатель почти „собственными глазами“ убѣждается, что Богъ для объясненія жизни не нуженъ. Полицейскій комиссаръ безстрастно слушаетъ эту quasi-научную проповѣдь атеизма. До конечнаго вывода и внутренняго смысла Vortrag'a ему мало дѣла. Онъ потируетъ лишь тѣ мѣста, въ которыхъ „ораторъ вольничаетъ“,—когда, напр., говоря о томъ, что земля, вмѣстѣ съ другими планетами, должна раздѣлить ихъ участь т. е. погибнуть, онъ мимоходомъ вставляетъ „острое слово“ относительно „современности“: ибо-де „въ царствѣ природы нѣтъ различія классовъ и привилегій, а всѣ равны и подчиняются одному закону необходимости“; или, когда, описывая печальное состояніе будущей „замерзшей земли“ и иллюстрируя его картинами полярной жизни, онъ вставляетъ мимоходомъ, что у жителей полярныхъ странъ, какъ извѣстно (?), нѣтъ ни Бога, ни нравственности, ни полиціи,—„если-моль не считать бѣлыхъ медвѣдей, которые тамъ иногда пугаютъ людей, *вмѣсто полицейскихъ*“. Что-же выходитъ изъ этихъ нотицій? Комиссаръ записываетъ, а публика рукоплещетъ... Въ выигрышѣ одинъ ораторъ: за свое грошевое безстрашіе и дешевое острословіе онъ, конечно, дорого не заплатитъ, а если и заплатитъ, то попадетъ въ „мученики идеи“. Vortrag-же, благодаря всему этому, во всякомъ случаѣ плотно засядетъ въ головахъ слушателей.

Было кое-что интересное и характерное и по окончаніи Vortrag'a. Интересно было наблюдать, какъ на почвѣ социалистическихъ идей сходились и братались „близники“ различныхъ рабочихъ ранговъ; какъ благодаря двойному дѣйствию—пива и вытравливающихъ всякіе этические принципы Vortrag'овъ,—распахивались двери „социалистическаго рая“, съ его свободою и непринужденностію; какъ какой-нибудь социалистическій литераторъ и юмористъ, взгромоздившись на эстраду, импровизировалъ куплеты, осмѣивавшіе какое-нибудь новос мѣропріятіе или перетрепывавшіе старую и избитую тему о ненавистномъ Бисмаркѣ; какъ сильными голосами горланились самыя красныя пѣсни изъ Liederbuch и т. д. Но все это, послѣ Vortrag'a, имѣло уже интересъ дополнительный, декоративный. И при томъ, по удаленіи комиссара (тогдашъ послѣ Vortrag'a), въ залѣ стало

такъ безпорядочно, сутолочно, душно и чадно, что мы поспѣшили отправиться домой. Но картинѣ всетаки не суждено было остаться неоконченною: дорогою она получила совершенно неожиданное дополненіе. Отецъ семейства, который ввелъ насъ въ фереинъ, вдругъ началъ комментировать Vortrag своему подростку сыну, какъ *совершенно непреложное слово науки*: видишь Максъ, все произошло само-собою, а вы такъ въ своей школѣ“ и т. д. Это насъ изумило. Мы думали, что социаль-демократы по крайней мѣрѣ у своихъ дѣтей не спѣшатъ вытравлять религіозныя и нравственныя начала воспитанія, которыхъ всетаки еще держится нѣмецкая школа. А оказывается!... Мы, конечно, сочли своею обязанностію парализовать этотъ комментарий и, насколько допускала воспримчивость слушателей, доказали, что весь Vortrag есть не больше, какъ предположеніе (гипотеза), — предположеніе спорное, а въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ и положительно несогласное ни съ наукою, ни со здравымъ человѣческимъ смысломъ. Не знаемъ, какъ подействовади наши слова; да и не въ этомъ единичномъ случаѣ, конечно, дѣло. Но какова общая-то картина! Вѣдь если и другіе чадолюбивые отцы преподаютъ послѣ фереиновъ своимъ дѣтямъ такіе-же уроки (а это, при нѣмецкой методичности, болѣе, чѣмъ вѣроятно); то слѣдуетъ опасаться, что подростокъ поколѣніе рабочаго люда, а можетъ быть и не рабочаго только, воспитается въ понятіяхъ совершенно атеистическихъ. А тутъ еще, какъ на бѣду, школьный законопроектъ, дававшій было надежду на болѣе прочную постановку религіознаго обученія въ Германіи, проваливается и есть основанія опасаться, что, при современномъ режимѣ, этотъ законопроектъ будетъ замѣненъ другимъ, составленнымъ совершенно въ духѣ „новыхъ идей“. Что-то изъ всего этого выйдетъ?!

Нельзя сказать, чтобы въ Германіи не замѣчали серьезности такого положенія дѣлъ. Нѣтъ, замѣчаютъ и сознаютъ; но отъ этого сознанія, такъ сказать, отмахиваются, какъ отъ докучливаго и тревожнаго призрака. Понимая ясно, что коренное исцѣленіе недуга потребовало-бы большой ломки и энергичныхъ мѣръ, а можетъ быть и личныхъ жертвъ, которыхъ приносить вообще никогда и нигдѣ не любятъ, большинство успокаивается на той мысли, что „это еще будетъ не скоро“ и что вообще-то всѣ социали-

стическіе проэктъ относятся къ области неосуществимыхъ утопій. Какъ всѣ утопіи, замыслы социалистовъ разсыплются сами собою: къ чему-же, при этомъ, принимать энергичныя мѣры, ломать порядки, „къ которымъ всѣ привыкли“? Нужно только ясно и убѣдительно доказать, что социалистическія мечты суть не болѣе, какъ утопіи, и тогда эта мысль, согласно новой научной формулѣ, по которой „всякая мысль есть сила“, сама сдѣлаетъ свое дѣло. Смотри на дѣло съ этой точки зрѣнія, многіе придають теперь въ Германіи большое значеніе безчисленнымъ, положительно заурядившимъ нѣмецкій книжный рынокъ, „опроверженіямъ“ социализма. Типичною формою такихъ опроверженій служитъ мастерски написанная и, поэтому, въ теченіе какихъ нибудь двухъ-трехъ мѣсяцевъ разошедшаяся въ *сотняхъ* тысячь экз., книжка извѣстнаго депутата Рейхстага, Евгенія Рихтера: *Socialdemokratische Zukunftsbilder* (Berlin, 1892). Въ этой книжкѣ трогательно разсказана исторія одной честной, работающей семьи, которая сначала пламенно желала осуществленія социалистической мечты, — главнымъ образомъ подѣ влияніемъ вышеупомянутой книги Бебеля, этого „поваго евангелія, (!),—а потомъ, когда наступила социалистическая ломка со всѣми ея ужасами и настроеніемъ, прежде всѣхъ и еще пламеннѣе стала желать возвращенія прежнихъ порядковъ. Началось съ того, что социалистическое правительство (како-же, однако, правительство, если „всѣ равны“?), слѣдуя принципу уничтоженія „капитализма“ и собственности, отняло у семьи всѣ честныя сбереженія, на которыя она собиралась-было праздновать свадьбу сына, а затѣмъ, по принципу равноправности и равномернаго раздѣленія труда, распихало всѣхъ членовъ семьи (включая въ составъ семьи и певѣсту сына) по разнымъ городамъ, при чемъ далеко не каждый попадалъ на свое мѣсто и къ своему дѣлу; маленькія дѣти, чтобы не мѣшать работѣ родителей, были у нихъ отобраны и помѣщены въ „общественныя“ заведенія, а тамъ-же и — дѣдушка; одинъ изъ двухъ ребенковъ (дѣвочка) умеръ, а мать (Павла) съ тоски по дочери, къ которой еѣ не допускали, сошла съ ума. Въ довершеніе всѣхъ этихъ золъ певѣста (Агнесса), которая, благодаря своей привлекательной наружности, имѣла несчастіе поправиться одному изъ дозорщиковъ надъ рабо-

тами, сдѣлалась съ его стороны предметомъ нечистыхъ домогательствъ и принуждена была прибѣгнуть, какъ къ единственному средству спасенія изъ этой разнузданной среды, къ бѣгству въ Америку, куда за нею вскорѣ послѣдовалъ и женихъ, испытавшій тоже многочисленныя невзгоды. Между тѣмъ, вслѣдствіе недовольства новыми порядками, въ Германіи началась „контръ-революція“, въ которой уже рѣшительно нельзя было разобрать, кто и за что: жертвы были безчисленныя и часто совершенно случайныя; подозрительность соціалистическаго правительства была напряжена до крайности; люди гибли и отъ революціонеровъ и отъ контръ-революціонеровъ. Погибъ въ этой всеобщей сумятицѣ и свалкѣ и глава семьи—типографщикъ Шмидтъ. Уцѣлѣлъ одинъ младшій сынъ его, — единственно потому, что бѣжалъ отъ всѣхъ этихъ ужасовъ въ Голландію. Такова печальная судьба честной семьи, созданная ей „новыми порядками“. Въ дополненіе ко всему этому, мимоходомъ Рихтеръ дѣлаетъ много мѣткихъ характеристикъ деморализованнаго „будущаго общества“ и весьма правдоподобныхъ указаній на экономическія и политическія затрудненія, которыя неизбежно повлечетъ за собою будущій нестройный строй, при чемъ, конечно, для Россіи и Франціи наступаетъ благоприятное время отмстить ненавистой сосѣдкѣ: онѣ начинаютъ присылать въ Германію угрожающія ноты, а затѣмъ, при ея очевидной неспособности выполнить предъявленныя къ ней требованія (уплатить долги), переходятъ въ наступательную войну, которая застаётъ Германію среди полнѣйшей дезорганизаціи, усложняемой еще повсюду ощущаемымъ недостаткомъ продовольственныхъ средствъ и истощеніемъ казны. Въ общемъ картина получается яркая, впечатлѣніе выносится цѣльное и нерасположеніе къ соціалистическимъ замысламъ безусловное.

Нѣтъ сомнѣнія, что перспективы будущаго соціалистическаго строя, намѣченныя Рихтеромъ, очень могутъ отрезвить иную горячую голову, увлекающуюся соціалистическими мечтами, и съ этой точки зрѣнія всѣ подобныя „опроверженія“, конечно, могутъ сослужить свою долю службы. Но не слѣдуетъ забывать, что именно въ Германіи, гдѣ такъ развита страсть ко всякимъ дебатамъ и полемикѣ, такой способъ самообороны имѣетъ и свою обратную сторону.

Дѣло въ томъ, что на каждую такую критику здѣсь являются десятки „антикритикъ“, которыя, конечно, пишутся тѣмъ страстиѣе, чѣмъ яко-бы „несправедливѣе“ отношеніе „къ великой идеѣ“ со стороны „привилегированной буржуазіи“ въ глазахъ поборниковъ этой идеи. При такомъ положеніи вещей, въ рядахъ социалистовъ свободныя мѣста отпавшихъ, конечно быстро замѣстятся новыми адептами, при чемъ очень возможно, что ипогда цифры распадутся такъ, что выигрышь будетъ, въ концѣ концовъ, все-же на сторонѣ этихъ послѣднихъ. Да и независимо отъ этого, еслибы противники социализма не могли противопоставить ему ничего больше, кромѣ этихъ опроверженій, ихъ положеніе, конечно, было-бы не многимъ лучше положенія того врача, который, сидя у постели тяжело больного, очень ясно констатировалъ-бы его болѣзнь, но оказался-бы не въ силахъ оказать ему хоть какую нибудь дѣйствительную помощь. Вотъ почему будетъ имѣть несомнѣнно большее значеніе другая, *практическая* форма, въ которой выразилось чувство самосохраненія современнаго нѣмецкаго общества въ виду надвигающійся на него со стороны социализма опасности. Мы разумѣемъ пробудившееся за послѣднее время одновременно и въ правительственныхъ сферахъ и въ частныхъ кругахъ стремленіе и заботу *о прикрѣпленіи населенія къ землѣ, чтобы такимъ путемъ отвлечь толпы опаснаго рабочаго пролетаріата изъ городовъ и другихъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ въ деревню.* Эту цѣль преслѣдуютъ особенно два, заслуживающія здѣсь упоминанія, мѣропріятія: проведенный чрезъ рейхстагъ и скрѣпленный императоромъ законъ о правѣ каждаго, принадлежащаго къ нѣмецкому годарству, по достиженіи 24-лѣтняго возраста, устраивать свою осѣдность *на собственномъ участкѣ земли* (Entwurf eines Heimstättengesetzes für das Deutsche Reich, отъ 21 Іюня, 1891 г.) и—покровительствуемое правительствомъ частное общество, которое *на очень льготныхъ условіяхъ* устраиваетъ каждому желающему, педалеко отъ Берлина (въ Riesdorfъ — минутъ 20—30 ѣзды, по желѣзной дорогѣ), домикъ на собственномъ участкѣ, по образцу, который выстроены въ Берлинѣ (педалеко отъ центра—конецъ Dorotheenstr.) и открытъ для осмотра и объясненій всякому желающему. Намъ нѣтъ на-

добности входить здѣсь относительно этихъ мѣропріятій въ спеціальныя подробности; но мы не можемъ не отмѣтить, хотя-бы лишь въ общихъ чертахъ, тѣ надежды, которыя теперь здѣсь на нихъ возлагаютъ, какъ на могущественное средство „предотвратить путемъ социальной *реформы* социальную *революцію*“ (проф. Гирке), „снова национализировать интернационализированные элементы“ (den internationalisirten wieder nationalisiren), „задержать ненормально усиленное стремленіе въ составъ социалистической арміи“ и т. д.

Вотъ нѣкоторыя изъ относящихся сюда мыслей, выбранныя нами изъ безчисленныхъ статей, посвященныхъ этому вопросу въ современной нѣмецкой прессѣ. „Одно изъ самыхъ враждебныхъ культурѣ дѣйствій атомизирующаго владычества капитала (der atomisirenden Capitalherrschaft) есть увеличивающійся вмѣстѣ съ ростомъ нашего богатства недостатокъ квартиръ для бѣдныхъ. Безъ приличнаго жилища нѣтъ семьи; безъ семьи нѣтъ нравственности. Мы гордимся цивилизаціею 19-го столѣтія и блескомъ нашихъ большихъ городовъ; но этою гордостію мы доказываемъ только, что нашъ глазъ не проникаетъ дальше поверхности вещей и что мы не задумываясь проходимъ мимо настоящей отвратительной (scheusslichen) дѣйствительности. Берлинъ не тамъ, гдѣ мы видимъ его электрическое освѣщеніе, не *подъ-Линдами* (under den Linden — главная улица Берлина), не тамъ, гдѣ пѣнится шампанское и горятъ драгоценныя камни, не въ театрахъ, не въ музеяхъ и пр.; нѣтъ, великій Берлинъ, продуктъ прироста цѣлаго милліона людей въ какойнибудь періодъ человѣческой жизни,—этотъ Берлинъ нужно искать въ отдаленныхъ ночлежныхъ домахъ (Miethkasernen), въ надворныхъ постройкахъ, на чердакахъ, въ подвальныхъ этажахъ и т. д.“ Слоняющійся отъ чердака къ чердаку, тѣснимый нуждою, бѣднякъ (а такихъ сотни тысячъ въ Берлинѣ), хотя-бы даже интеллигентный, „превращается въ совершеннаго дикаря“, у котораго всѣ духовныя потребности, всѣ истинно-человѣческія движенія, чувства почтительности, законности и проч. угасаютъ. Остаются лишь разнузданныя низменные влеченія, на почвѣ которыхъ и возрастаютъ всѣ коммунистическія и социалистическія идеи. Массовый социаль-демократическій эгоизмъ (Massenegoismus), проявляющійся въ социалистическихъ движеніяхъ, есть

неизбѣжное слѣдствіе индивидуальнаго эгоизма (Individual-egoismus), который, именно вслѣдствіе вышеуказанныхъ условій, развивается у нѣмецкаго рабочаго до размѣровъ эгоизма животнаго. Дайте этому рабочему *свѣтъ, воздухъ и собственный кровъ*, изъ котораго-бы его не грозили ежеминутно изгнать, дайте ему клочъ загородной земли, за обработкой которой, между дѣломъ, онъ могъ-бы забывать монотонную, одуряющую жизнь фабричнаго или мастераго, — и въ немъ тотъ часъ-же проснутся угасшіе идеалы и безпринципный космополитическій социализмъ смѣнится любовью къ отечеству, къ семьѣ, къ *своему* дому, къ *своему* клочку земли, къ своему, не подлежащему отчужденію, маленькому хозяйству. „*Отечество есть идеалъ* и, если у рабочаго есть *собственное* отечество, у него есть и *собственный* идеалъ“ и онъ уже не космополитъ, а—аристократъ (er ist aristocratisch geworden). Такимъ образомъ, „единственно надежное средство для борьбы съ социаль-демократіею это—основанная на историческихъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго, началахъ и потому образующая одно органическое цѣлое съ здоровыми элементами низшихъ классовъ, какъ они воплощены въ осѣдломъ крестьянствѣ, *аристократія*“,— аристократія имѣющая свой собственный идеалъ и поэтому свою собственную развитую духовную жизнь. Съ этой точки зрѣнія,—какъ мѣтко выразился одинъ изъ депутатовъ рейхстага (Гелертъ), — „*собственныя жизни можно сравнить съ бочками, на которыхъ утверждены мосты въ гавань среди безпокойно волнующагося моря*: сотня тысячъ такихъ твердыхъ пунктовъ въ странѣ обезпечили-бы на зыбучемъ пескѣ движимой собственности надежный путь *цивилизациі*, которая уже не будетъ болѣе (какъ настоящая) однимъ пустымъ звукомъ“. Въ этой цивилизациі, —дорисовываетъ картину одинъ пасторъ,—нашли-бы себѣ мѣсто и церкви и при нихъ школы, основанныя на религіозныхъ началахъ, въ которыхъ воспитывались-бы въ религіозномъ духѣ и нравственности, теперь обыкновенно возрастающія въ дикости, дѣти социаль-демократовъ. Тогда социалистамъ не изъ кого было-бы вербовать новобранцевъ для пополненія своихъ рядовъ ¹⁾....

¹⁾ Всѣ, относящіяся къ этому вопросу, статьи, равно какъ и самый текстъ закона (Entwurf), можно найти въ брошюрахъ: 1) Heimstättenrecht ein Recht für Jedermann, Berlin, 1891; 2) Papst Leo XIII etc.—см. выше.

Совершенно вѣрно! Это дѣйствительно надежный путь для борьбы съ угрожающимъ западу социализмомъ и то обстоятельство, что на почвѣ только что изложенныхъ взглядовъ сошлись съ пасторомъ и капиталисты, пожертвовавшіе свои капиталы для осуществленія этихъ взглядовъ (разумѣемъ вышеназванное общество), и ученые, разработавшіе ихъ теоретически (особенно много въ данномъ случаѣ помогли дѣлу юристы—противники господства въ современномъ правѣ принциповъ права римскаго въ ущербъ принципамъ права древне-германскаго), и депутаты рейхстага, принявшіе законопроектъ, — это обстоятельство самымъ краснорѣчивымъ образомъ доказываетъ, что въ Германіи не совѣмъ еще утраченъ смыслъ текущаго, что еще есть люди способные ориентироваться въ положеніи вещей и находить, даже и среди снутившагося на нее сумрака, прямой путь. Къ сожалѣнію, вмѣсто „сотни тысячъ твердыхъ пунктовъ“, которые были-бы достаточны для противодѣйствія социализму, подъ вліяніемъ этого движенія, на лицѣ германской земли (около Берлина) появилось пока *только двести*, а большинство нѣмецкой интеллигенціи и „буржуазіи“ не только ничѣмъ не обнаруживаетъ наклоности содѣйствовать осуществленію разсматриваемыхъ нами мѣропріятій, но и прямо держится совершенно инаго, противоположнаго образа мыслей или, — лучше сказать, — не имѣетъ никакихъ мыслей объ этомъ предметѣ, не простираетъ сюда никакихъ заботъ и предпочитаетъ, какъ уже сказано нами, отъ угрожающихъ въ будущемъ бѣдъ просто отмахиваться.

„Что намъ за дѣло, — такъ обыкновенно спрашиваютъ въ Берлинѣ, — до этихъ ложныхъ страховъ? Мы имѣемъ отличную, образцово организованную полицію, которая, какъ показываютъ февральскіе опыты, сумѣетъ усмирить бунтовщиковъ. Ну, а если-бы, какъ вы ожидаете, ихъ ряды и увеличились присоединеніемъ „идейныхъ“, коренныхъ социалистовъ, такъ вѣдь у насъ на то есть и армія. А впрочемъ, все это химеры: наши социаль-демократы достаточно умны, чтобы не видать, что безъ рѣзни дѣло не обойдется, а вѣдь рѣзни они не захотятъ-же“...

Да, но вопервыхъ, вы знаете, конечно, что социализмъ проникаетъ и въ армію и, чѣмъ дальше, тѣмъ глубже пускаетъ свои

корни: что удивительнаго, что при такомъ положеніи вещей, солдаты сложатъ свое оружіе, когда дѣло до него дойдетъ? Вѣдь примѣры французскихъ солдатъ имъ памятливы, да къ тому же Volkstribüne и другіе услужливые листки имъ ежегодно о томъ напоминаютъ во время мартовскихъ и майскихъ праздниковъ. Во вторыхъ, — и это главное, — вѣдь ваши „умные“ социаль-демократы не говорятъ, что „*нужно* произвести революцію“ или „*должно* воздержаться отъ рѣзни“ (никакихъ „нужно“ и „должно“ для нихъ больше не существуетъ); пѣтъ, они говорятъ скромнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и внушительнѣе: „*такъ будетъ*“, — будетъ по неизбѣжнымъ законамъ „соціальной динамики“, которымъ „подвижные атомы исповѣдующаго эгоизмъ общества“ повинуются съ такою-же необходимостію, съ какою атомы физическіе повируются своимъ законамъ. Справьтесь у „апостола современнаго социализма“, Бебеля, или у популяризатора и пропагандиста новѣйшихъ социалистическихъ доктринъ, Меринга: Вы прямо найдете этотъ тезисъ (см. напр., у *Mehring'a*: Herrn Eugen Richters Bilder aus der Gegenwart, антикритика на вышеизложенную брошюру Рихтера, Nürnberg, 1892, S. 11). Въ данномъ случаѣ социаль-демократы дѣлаютъ свои выкладки относительно будущаго, какъ чистые математики. Они оперируютъ въ своихъ вычисленіяхъ съ живыми личностями, какъ съ равными и однообразными математическими единицами, у которыхъ нѣтъ никакой самопроизвольной активной реакціи на внѣшнія раздраженія, — нѣтъ самоопредѣленія, которое-бы могло поставить и держать по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ сторонѣ отъ социалистическаго движенія. И они, конечно, правы въ данномъ случаѣ. Вѣдь все эти адепты новыхъ идей, которымъ различныя Адамы Смиты, Марксы, Энгельсы и т. д. въ теченіе долгихъ лѣтъ вбивали въ голову, что единственно-реальная, управляющая обществомъ сила есть интересъ — умѣніе понимать свои личныя выгоды, не отвлекаясь отъ этого никакими другими „задерживающими“ побужденіями (напр., симпатією), „такъ какъ изъ совокупности личныя выгоды сама собою будтобы получится общая выгода, общее благо“ (?); которые, вслѣдствіе этого, при косвенномъ содѣйствіи иныхъ условій (о которыхъ рѣчь выше), возвели „спокойно и предусмотрительно рассчиты-

валоюй *интересъ недѣлимаго*“ въ верховный принципъ и, отложивъ въ сторону всѣ другіе— религіозные и нравственныя мотивы дѣятельности, вытравивъ идеаль, перестали держать въ уздѣ каждый свой личный эгоизмъ; у которыхъ, наконецъ, при утратѣ образующаго право высшаго принципа, осталось лишь одно безспорное право—сильнаго, при чемъ уже нельзя стало отыскать никакихъ основаній для предпочтенія одной формы обнаруженія этого права сравнительно съ другою: что такое, въ самомъ дѣлѣ, общество такихъ нивелированныхъ людей, какъ не агрегатъ чистыхъ единицъ, однообразныхъ „соціальныхъ атомовъ“, которые безъ сомнѣнія естественно устремятся туда, куда направить ихъ случайный механическій толчокъ? Что имъ за дѣло, будетъ-ли при этомъ рѣзня или дѣло обойдется мирно; выйдетъ-ли изъ движенія что-либо лучшее, или нѣтъ. Имъ патолковано и сами они это видятъ отчасти, что „соціальная статистика нарушена“, что „равновѣсіе общества при данныхъ условіяхъ немислимо“: этого для чистыхъ единицъ, исповѣдующихъ „догматику соціальнаго эгоизма“, достаточно, чтобы „соціальная статистика перешла въ революціонную динамику“. Вѣдь, чтобы достаточно мотивировать свою надежду на то, что страшнаго *этого* не будетъ, вамъ необходимо доказать, что соціаль-демократы не чистыя единицы, что они способны къ реакціи на внѣшнія раздраженія, подъ влияніемъ противоборствующихъ имъ идеаловъ, религіозныхъ заповѣдей, нравственныхъ мотивовъ и т. д. А возметесь-ли Вы за такое доказательство?

„Да это и безъ доказательствъ ясно! Вѣдь не можетъ-же, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ одичать настолько, чтобы утратить всѣ человѣческія свойства. Ну а что касается „расшатанности принциповъ“, которой, конечно, у нашего соціаль-демократа отрицать нельзя; то это дѣло поправимое. Жаль, что законопроектъ Цедлица провалился: вѣдь высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній онъ не касался, а *для народа религія пока еще нужна*“...

Итакъ, вы обращаетесь къ религіи, какъ къ палкѣ для того, чтобы отпугнуть грозный призракъ социализма! Она нужна только для черни, для ея обузданія и усмиренія?!

„А хотя-бы и такъ! Нельзя-же интеллигенцію ставить на одну доску съ полуобразованною массою. Для религіи про-

ходитъ время и всякій просвѣщенный человѣкъ нынѣ видѣть ясно, что она почтительно уступить свое мѣсто быстро прогрессирующей наукѣ. Ужъ если и говорить о религіи для интеллигенціи, такъ о религіи очищенной отъ всѣхъ примѣсей суевѣрія, въ родѣ, наприм., религіи вашего Толстаго или Егиди“.

Ну, въ такомъ случаѣ, —простите!—васъ нельзя поздравить со спокойною будущностію. Вашъ, по вашимъ-же собственнымъ словамъ, „умный“ социаль-демократъ разглядитъ, конечно, что сами-то вы совсѣмъ неуважительно относитесь къ той силѣ, которою ему грозите... Нѣтъ, если Вы утверждаете необходимость вѣчнаго существованія даннаго порядка вещей лишь на томъ, что всегда доселѣ ровно въ 12 часовъ появлялся на вашемъ столѣ вкусный Frühstück, если вы ничѣмъ не обнаружите, что сами руководствуетесь въ своей жизни тѣми вѣчными, „идущими свыше“, религіозно-мистическими пачалами, указаніемъ на которыя хотите образумить безпокойно волнующійся пролетаріатъ и которыя дѣйствительно одни лишь могутъ дать смыслъ человѣческому существованію и обезнечить строй жизни, говоря богатому: „возлюби ближняго своего“ и „дай нищему“ и—бѣдняку: „не укради“, „не убій“, будь доволенъ „своими оброки“; если такимъ образомъ вы не покажете бѣдняку, что, при несоизмѣримости внутреннихъ духовныхъ благъ съ матеріальными, и богачъ можетъ быть несчастнымъ и, наоборотъ, бѣднякъ счастливымъ: то какія-бы мѣры противъ „соціального землетрясенія“, противъ „обвала“ всей вашей гордой культуры вы ни придумывали, всѣ эти мѣры окажутся лишь средствами палліативными...

„Такъ, по вашему, нужно ожидать *соціального землетрясенія и обвала культуры*“?!

Кто знаетъ? Можетъ быть и пронесется гроза и дай Богъ, конечно! Но зловѣщихъ признаковъ много; а радикальныхъ и дѣйствительно цѣлесообразныхъ мѣръ принимается мало...

Мой собесѣдникъ скептически усмѣхнулся и пожалъ плечами.

Настоящее, нѣсколько запоздавшее письмо, мы дописываемъ въ Парижѣ. Когда быстрѣйшей, какъ говорятъ, поѣздъ въ мірѣ мчалъ насъ отъ Берлина по направленію къ Кельну

и предъ глазами одна за другою быстро мелькали живописныя палорамы благоустроенныхъ нѣмецкихъ фермъ и заводовъ; въ головѣ стучалъ неотступный вопросъ: „будетъ-ли“? И чѣмъ дальше мы уѣзжали отъ Берлина, чѣмъ ближе становилось то мѣсто, гдѣ уже „началось“, гдѣ „обвалъ тронулся“; тѣмъ пламеннѣе и горячѣе становилось пожеланіе, которымъ мы заключили нашъ только-что приведенный діалогъ: „да, дай Богъ, что-бы не было“! Весьма неудобно даже и временное пребываніе въ томъ городѣ, гдѣ невѣрная почва постоянно колеблется подъ ногами и гдѣ въ каждомъ ресторанѣ, вмѣсто простыхъ и совершенно безопасныхъ блюдъ „неприхотливой буржуазіи“, рискуешь получить изъ социалистическаго меню какое нибудь, покупаемое цѣною жизни, изысканное *sauté aux petits pois fulminant* ¹⁾...

А. Введенскій.

Парижъ.

1 Мая (19 Апрѣля), 1892 г.

¹⁾ Взрывъ посредствомъ гремучаго порошка (*petits pois*—горошекъ).— Подъ вліяніемъ взрывовъ и особенно послѣдняго—въ ресторанѣ Вери, остроумные французы помѣстили въ своихъ сатирическихъ листкахъ множество меню à la Ravachol, при чемъ въ богатомъ репертуарѣ названій ихъ блюдо оказалось много омонимовъ для обозначенія средствъ и моментовъ взрыва: эта игра ихъ много тѣшила.